

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ДРУЖИНА В IX–X ВЕКАХ

П. Р. Мухаметсалимов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2010 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению военной организации Англии в IX–X веках. Была сделана попытка проанализировать военную эффективность и структуру английской армии. Прослежены изменения в составе военного сословия и условий службы, а также исследована тенденция роста профессиональных военных контингентов.

Ключевые слова: дружина, дар, патронат, войско, землевладелец, верность, вождь, служба, иерархия, братство.

Abstract: article is devoted to consideration of the military organization of England in IX–X centuries. Attempt to analyse military efficiency of English army and structure. Changes are tracked in structure of the military class and conditions of service. The tendency of growth of professional military contingents has been investigated.

Key words: retinue, gift, patronage, army, landowner, loyalty, chief, service, hierarchy, fellowship.

Тема эволюции англосаксонской дружины сравнительно недавно стала предметом углубленного изучения в мировой медиевистике. А между тем, по оценке современных исследователей, состояние войны — привычное и естественное состояние общества эпохи Средних веков, какой бы период мы ни рассматривали [1, с. 49].

В основе профессиональной военной организации англосаксов лежал германский дружинный строй с присутствием этических норм военной аристократии. Военная дружина в ранне-средневековой Европе являлась одним из главных общественных организмов и представляла собой отряд воинов во главе с господином; воины были объединены общей клятвой, боевым товариществом и собственным интересом. Такие отряды вели свою «родословную» от германских воинских подразделений, члены которых с неизменной щедростью наделялись «мощным потоком дарений» [2, с. 51], а в случае удачи в награду за службу господину получали надель. Отношения в дружинной среде достаточно ясно определил еще Тацит: «слава и честь, проистекающая из многочисленной доблести собственного войска», «щедрый дележ добычи и трофеев, добытых в сражении и грабеже» [3, 13–14]. Типичные для германцев отношения в военной среде англосаксов явствуют из эпоса о Беовульфе: «За все, что Хигелак мне дал державный, за все достояние, дом и земли, ему платил я клинком, сверкавшим в работе ратной» [4, 2490–2493].

В законах Этельберта Кентского (около 602–603 гг.) кэрлы — свободные крестьяне — выступают главными носителями правовых норм, а также выполняют службу в ополчении — фирде [5, Atb., 33–72, 6, 21, 30, 27–31, 17–20, Wi., 21, 26, § 1, Hl., 8–10, 16, § 2]. Спустя почти сто лет (688–694 гг.) их положение в законах Уэссекского короля Инэ уже несколько иное. Часть некогда свободных керлов превращаются в зависимых через развитие практики патроната знати и личной коммендации. Мы находим керлов, состоящих на службе у господина-глафорда и ставших под его покровительство (*hlaford* — кормилец). Постепенно дружинники короля — гезиты и тэны* отстраняли ополчение керлов от военных дел. Шел процесс постепенного перехода к профессиональному тяжеловооруженному войску.

Тексты сообщают о том, что тэны, как правило, выступали в походы со своим личным окружением, например, основу войска элдрме-

* В ранний период (V–VII вв.) непосредственные соратники короля звались *gezumamu* (*gesith*), а не тэнами. Первоначально слово «гезит» означало «компаньон, спутник, знатный приближенный» в значении приближенного короля или вождя (племен англо-саксов и ютов, завоевавших в V–VI вв. Британию, либо близкого личного товарища, который в сражениях выступал на стороне своего господина. Постепенно слово «гезит» стало означать землевладельца или землепользователя, он набирал войско из крестьян, живших в его владениях, содержал домочадцев. С конца VIII в. в законодательных памятниках слово «гезит» вытесняется словом «тэн», выводя на передний план его значение как представителя королевской власти (*minister*) [5, Ine, 50, 51, 63].

на Одды составляли «королевские тэны со своим окружением» (*ministri regis cum suis*) [6, 54]. О социальной составляющей военных контингентов англосаксонских землевладельцев и представителей королевской власти достоверно повествует героический англосаксонский эпос «Битва при Мэлдоне» (991 г.). Поэма рассказывает о том, что в этом сражении войско элдормена Эссекса Биртнота включало, прежде всего, его собственную дружину, должно быть, довольно многочисленную, поскольку за долгую и успешную карьеру еще наместника Уэссекса он приобрел большое влияние, и это убеждало людей сражаться на его стороне в соответствии с обычными узами верности; также не было недостатка и в местных ополченцах [7, с. 114; 8, 65–70]. Один из отрывков поэмы повествует о том, что сам Биртнот, построив войско к битве, встал не с ополченцами, а «среди припешников верных, среди приближенных дружинников (*heorðwerod*), живших в его доме» [8, 23–24].

Насколько мы можем судить из источников, членов свиты (военного окружения) магнатов обозначали «*gingra*» («*iunior*») [5; Af., 38.2;]; их можно сравнить с младшими дружинниками Древней Руси. Мы можем предположить, что военное окружение тэнов и элдорменов состояло из числа зажиточных кэрлов и генитов [9, 473; 8, 204, 260, 310; 5, IV Eg., 1 § 1], способных обеспечить себя тяжелым вооружением и служивших при своих покровителях в их эскортах и бургах в надежде на дальнейшее продвижение по службе. Как подчеркивается в английской литературе, гениты занимали промежуточное положение между крестьянами и тэнами, зачастую составляли свиту и двор своего господина, но сами не имели достаточно земли, чтобы считаться тэнами. В поэме «Битва при Мэлдоне» гениты – домочадцы (*heorðgeneatas*, *geneat*, *hiredmen*) выступают основой личной дружины элдормена Биртнота. Из источника этого же периода – «Законов Эдгара» (959–975) – мы узнаем, что гениты были экономически зависимы от своих господ. В остальном же военное окружение состояло из домочадцев, начиная от сыновей, кузенов, «оруженосцев», заканчивая маргинальными элементами общества, «отрабатывающими свой хлеб», и рабами [5, Atb., 7, 11; 16].

Основной мотивацией для средней и низшей ступени в иерархии военного окружения служило обычное вознаграждение за службу в виде военных трофеев. Нашейные кольца, браслеты, витое или пластическое золото постоянно фигурируют в эпосе «Беовульф» и героической пес-

не «Битва при Мэлдоне». Устойчивая характеристика короля – «кольцедаритель» или «ломающий гривны» [4, 80–81, 1216–1218; 85, 275–280] (подчас дарили не целое кольцо, которое было значительным богатством, а части его). Дружинники воспринимали подарки вожды прежде всего как убедительные знаки их доблести и заслуг [10, с. 5, 12]. Для этой категории военного окружения залогом большого успеха могла быть верная служба плюс успешная кампания или даже вылазка.

По всей видимости, установившаяся практика вознаграждения за службу в раннеклассовом обществе служила катализатором, придававшим динамизм раннефеодальным отношениям, причем земельные наделы были особым и наиболее ценным видом вознаграждения. Для служилых тэнов земельное владение было главной целью службы. Они с особой настойчивостью добивались их, поскольку видели в земельном наделе необходимую предпосылку последующей выгодной женитьбы и возможности породниться с настоящими нобилями; им был необходим внушительный «утренний дар» [5, Ine, 31]. Уже в VIII в. Беда Достопочтенный сетовал на то, что «всегда не хватает таких мест, где сыновья знатных фамилий или доблестных воинов могли бы иметь землю, а потому, достигнув совершеннолетия и будучи не в силах сохранять безбрачие, они отправляются за море, покидая край, который им надлежит защищать» [11, с. 414–417].

С психологической точки зрения война для обеих категорий («оруженосцев» и их «господ») была своеобразным интегралом «благородного» образа жизни [12, с. 286–292], отличительной чертой элиты и почти главным смыслом жизни тех, кто считал себя «сословием сражающихся» [13, с. 146]. Эти идеалы материализовались в повседневной жизни – дарами, местом за пиршественным столом, долей в добыче.

Дружинники короля и элдорменов, должно быть, отличались по социальному ранжиру и престижу от военного окружения более мелких нобилей и местных господ (например, богатых тэнов). Эти контингенты условно можно разделить на категории «старших» и «младших» дружинников. На материале «Беовульфа» такая дихотомия выкристаллизовывается достаточно четко. Например, конунг Хродгар, будучи молодым воителем, возглавлял отряд «молодых воинов», после того как он взшел на престол своих предков, окружавшие его юноши влились в элитный отряд «дружиноводителя» – конунга [4, 65–70]. В свою очередь, приемного сына Хродгара – Хродульфа и его сводных братьев также окружает отряд «юной дружины», сидя-

щей на пиру на отдельной скамье. В сражениях, так же, как и на пиру, «юные» и «старшие» дружинники (*geongum ond ealdum*) упоминаются отдельно. «Молодые» дружинники, в отличие от «старших», почитаются господами второстепенно, а их наставниками, как правило, выступают более опытные воины [там же, 70–75, 160–165, 620–625, 1180–1185].

Традиционно в историографии считалось, что в германской дружине не существовало четкой социальной градации. Основной социально-юридической оппозицией в германском обществе было противопоставление «свободный – раб», а также диалектическая оппозиция рода (*sippe*) – институту комитата. Конунги вели свое происхождение из королевского рода либо родовой знати, гены которой, как считалось, берут начало у древних богов (хтонический культ). Эти предводители были «первыми среди равных»: их власть в период войн распространялась лишь на воинов, а не на землю. В такой германской, в том числе и ранней (V – VII в.) англосаксонской и франкской, дружине все участники имели равные права на добычу и захваченные земли [14, с. 106–107]. В более поздний период (IX–XI вв.) дружинники искали личного покровительства у господ, а также представителей королевского рода либо у богатых и знатных магнатов, другими словами, формировались служебно-клиентские отношения. Вожди и предводители, в свою очередь, теперь старались подчеркнуть свою «особость». В подобной среде отношения были персональными, добыча являлась стимулом службы и распределялась по личному усмотрению дарителя (в песне «Битва при Мэлдоне» элдормен Биртнот выступает как предводитель дружины *deoden*, вместе с тем, он поддерживает более тесные личные связи со своим окружением (*heordwerod*), являясь для них кормильцем (*hlaforde*) и «кольцедарителем») [8, 185–190, 275–280, 290–295, 318–319].

Таким образом, свободный дружинник – гезит – заменяется тэном (*minister*), представителем господина. Однако в этих социетарных группах инициированных воинов личная преданность вплоть до самопожертвования, а также долг сражаться за господина в случае необходимости против родственников является определяющим критерием службы [5, Af., 42,5–42, 6].

Как мы видим, с самых ранних пор в дружинной среде существовала внутренняя иерархия, однако она была в меньшей степени связана с происхождением ее членов, нежели с их возрастом, заслугами, опытом и личными качествами. Можно предположить, что по мере того как протекали эти процессы, происходила оп-

ределенная унификация «дружинной культуры» и нивелировка наиболее ярких ее признаков. Этот процесс вполне был закономерен, яркая и эклектичная дружинная культура периода формирования этого социального института постепенно унифицировалась вместе с оформлением феодального общества. В период IX–XI вв. практически невозможно провести четкую границу между военным окружением и дружинами господ.

Важно отметить, что в конце IX – начале X в., по сравнению с предыдущим периодом, военные контингенты формировались преимущественно из тэнов. Данную тенденцию можно проследить на основе этимологии «Англосаксонской хроники». О потерях среди англосаксов, произошедших в середине IX в. в битвах со скандинавами, хроника, как правило, сообщает, что «жертвы были огромными» (*micel wēl geslāgen*), либо «многие тысячи были убиты» (*fela þusenda ofslāgenra*), или «потери были большие» (*micel wēlsliht*) [15, s.a. 871]. Однако уже вскоре источник называет новую военную категорию «бурговых людей» (*monnum þe þa burg, burgwarum*) или просто «хороших людей», «благородных людей» (*monna*), ассоциируя их в большинстве случаев с профессиональной военной службой, или прямо говоря, что их основу составляли королевские тэны (*cinges þegnas*) [там же, s.a. 894, 897]. С этого времени хроника особо заостряет внимание на потерях, произошедших в этой среде: «там был убит Ордхелм, королевский тэн» (*cyninges þegn*); а также много других королевских тэнов (*monige ofre cyninges þegn*) [там же, s.a. 894, 896], в дальнейшем употребление таких эпитетов приобретает тенденциозный характер.

Итак, структурируя англосаксонскую дружину, можно говорить о следующем: ее основу составляли лично преданные дружинники – профессиональные воины. На вершине этой структуры стояли королевские дружинники (телохранители и министриалы по совместительству). Королевские военные контингенты могли пополняться тэнами из личного королевского домена. Материальной основой существования этой части войска служило королевское жалование, фирма и личные земельные владения (бокленды) тэнов, наличие которых обеспечивало их владельцев тяжелым вооружением.

Ступенью ниже находились местные профессиональные воинские контингенты, основу которых составляли обеспеченные землей тэны. Они были обязаны обеспечивать себя продовольствием и тяжелым вооружением; материальной базой их существования также являлся бокленд. Кроме всего прочего, они должны были циклич-

но составлять гарнизоны бургов, а также могли нести личную, в том числе, военную, службу более крупным магнатам, например, элдорменам или епископам.

Среднюю и низшую ступень местных контингентов, очевидно, составляли безземельные, или с недостаточным количеством земли профессиональные воины (гениты), состоявшие на службе у господ (тэнов, элдорменов, епископов), и частью жившие в их доме. Вооружались и питались они за собственный счет или за счет своих покровителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлевов А. А. Дружина севера как исторический феномен / А. А. Хлевов // Скандинавские чтения 1998 года. — СПб. : Наука, 1999.
2. *Duby G.* The Early Growth of the European Economy / trans. by Н. В. Clarke. — London : Weidenfeld & Nicholson, 1974.
3. Tacitus Cornelius. La Germanie / Tacite ; texte établi et trad. J. Perret. — Paris : Les Belles Lettres, 1983 (в ссылках — указание на строфы).
4. Beowulf and its analogues. — London; New York : Dent, 1968 (в ссылках — указание на строфы).
5. Die Gesetze der Angelsachsen / hg. von F. Liebermann. — Bd 1 : Text und Übersetzung. — Halle : Niemeyer, 1903. — LXII, 675 S. (в ссылках — указание на законодательные акты).
6. Alfred the Great: Asser's «Life of king Alfred» and other contemporary sources / transl. by S. Keynes and M. Lapidge. — Harmondsworth : Penguin books, 1983 (в ссылках — указание на главы).
7. *Шартран Р.* Викинги. Мореплаватели, пираты и войны / Р. Шартран, К. Дюрам и др. ; пер. с англ. А. Колина. — М. : Эксмо, 2007.
8. The battle of Maldon / transl. and introd. by S. Salerno. — Monterey : Lighthouse press, 1996 (в ссылках — указание на строфы).
9. *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. — 3rd ed. / F. M. Stenton. — Oxford : Oxford university press, 1971.
10. *Гуревич А. Я.* Средневековый героический эпос германских народов. Беовульф / А. Я. Гуревич // Беовульф : эпос. — СПб. : Азбука-классика, 2005.
11. Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum // Venerabilis Bedae opera historica / ed. by Ch. Plummer. — Oxford : Clarendon press, 1896. — Vol. 1.
12. *Блок М.* Феодалное общество / М. Блок. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
13. *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе / Ж. Дюби. — М. : Вече, 2000.
14. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства: пер. с ит./ Ф. Кардини; под ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. — М. : Прогресс, 1987.
15. The Anglo-Saxon chronicle / ed. & transl. by M. Swanton. — New York : Routledge, 1998 (в ссылках — указание на даты).

Воронежский государственный университет
Мухаметсалимов П. Р., аспирант
E-mail: zveryuga83@inbox.ru
Тел.: 8-927-317-40-74

Voronezh State University
Mukhametsalimov P. R., Post-graduate Student of
the History of the Middle Ages and Slavic Studies
Department
E-mail: zveryuga83@inbox.ru
Tel.: 8-927-317-40-74